

АНТРОПОЛОГІЧНІ ШУКАННЯ

УДК 111.1

В. Б. ОКороков^{1*}

^{1*} Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара (Днепропетровск, Украина),
эл. почта victor7754@i.ua, ORCID: 0000-0001-8606-677X

МИФОЛОГИКА И ДЕСТРУКЦИЯ НАУЧНОГО И АРХАИЧНОГО СОЗНАНИЯ (НИСХОЖДЕНИЕ К ИСТОКАМ ДОСОКРАТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ)

Цель. Цель статьи состоит в том, чтобы, погружившись в глубины первобытного сознания (по рецепту многих представителей неклассической философии), выявить противоречия европейской мысли (у ее истоков) в древнегреческой мысли и попытаться показать ресурсы мифологического мышления по преодолению этих противоречий. **Методология.** Методологические установки, использующие возможности, пограничные состояния и эффекты неклассического сознания, оказались недостаточно эффективными для адекватного понимания сущности человека. Используемый обобщенный методологический подход опирается на глубинные ресурсы высокоэнергетического сознания, и на расшировку возможностей антропологического времени, что может позволить раскрыть новые горизонты человеческого существования. **Научная новизна.** Обращаясь к современным представлениям об измененных состояниях сознания, мы попытались увидеть, как выглядят исторически сформировавшиеся дискурсивные практики понимания сознанием действительности (в том числе исторической). Таким образом, путем последовательно проведенной деструкции мы стремимся добраться до первых истоков сознания и выявить глубинные исторические механизмы формирования темпорального сознания (насколько это возможно в современных условиях). **Выводы.** Показано, что использование основных идей древнегреческой мысли ведет научное сознание к тупикам противоречий, которые последовательно раскрывались на протяжении всей последующей истории философии и культуры. Анализ древних мифологических текстов позволяет заключить, что греческая мысль не является истоком современной научной мысли, то есть для понимания научной мысли мы должны обратиться к более древнему архаичному мышлению. Таким образом, для преодоления противоречий современной научной и философской мысли необходимо искать новые альтернативные (более древние) источники понимания исторической действительности, прежде всего, связанные с углублением в древнюю (мифологическую) мысль.

Ключевые слова: миф; сознание; мысль; знак; время; поверхность; путь; путешествие; древний; исток; мифология

Актуальность темы исследования

Проблема погружения в глубины сознания для выявления истинных свойств самого сознания и подлинных свойств действительности – одна из самых древних философских проблем. К ней обращались Платон и Аристотель, Сократ и Гегель, Пифагор и Кант. Она является ключевой для мифологического и мистического восприятия действительности и божественного мира. Именно такой, по существу древний, подход трансформируется в современной культуре в один из важнейших истоков неклассической философии. Его корни проявляются в философской феноменологии и хайдеггеровской деструкции, бахтинской хромотопии, структуралистской методологии, фукианской археологии и делезовской логике смыслов. Такой подход имел место в книге французского автора Сатпрема при написании книги «Шри Ауробиндо, или Путешествие сознания» [7]. Ча-

стично подобный подход просматривается в работах современных авторов (см. работы: С. Киансио, Дж. Е. Делафилд-Бутт, Г. Треверсен, Л.П. Гвуэрреро, С. Е. В. Оума, Дж. Таллант, Р.Н. Зиглер [9-14]). Таким образом, очевидно, что древний путь понимания сознания является актуальным и в настоящее время, а исследование темпоральности сознания может позволить приоткрыть завесу тайны происхождения человека.

Цель исследования

Что же может дать погружение в глубины древнего (мифологического) сознания? Это та тайна, которая сокрыта историей и до последнего времени казалась недостижимой. Однако антропология времени и современные исследования в области сознания могут позволить приоткрыть эту тайну. В таком контексте важнейшей целью исследования является попытка показать, что и то (древнегреческое) мышление, к

АНТРОПОЛОГІЧНІ ШУКАННЯ

которому подводит нас М. Хайдеггер в поисках первооснов современной культуры, является противоречивым и, следовательно, также необходимо продолжить деструкцию и самого древнегреческого сознания, чтобы у его истоков в первобытном мышлении попытаться раскрыть сущность противоречий греческого (и современного) сознания.

Изложение основного материала

Несмотря на то, что такой подход используется в ряде современных исследований, обращение к его истокам является очень проблемным. Вхождение в смысловой каркас древних мифологических текстов часто приводит современное сознание к необъяснимым противоречиям. Что, например, может приоткрыться, если мы вслед за К. Леви-Стросом или Л. Леви-Брюлем погрузимся в царство мифического сознания? Можно ли в постструктуралистской (или постсовременной) системе отсчета услышать скрытый смысл древних мифов и легенд? И хотя на протяжении всей истории существования скрытым или естественным местом паломничества многих мыслителей были древние (преимущественно, мифологические) тексты, очень часто они оставались непонятными, туманными и требующими пояснений. В таком смысле есть ли что-нибудь общего между мифологией и наукой? Можем ли мы, изучая мифы, отыскать путь в то измерение, в котором начинаются все науки - чистые (математика, логика, метафизика) и естественные (физика, биология, ботаника и т. д.). Ведь даже Ницше интерпретировал путь разума, открытый греками, - как путь по лестнице вниз. Немецкий философ-поэт, видимо, имел в виду то обстоятельство, что наука находится в рациональном слое бытия, который достаточно далеко удален от истоков нашего существования, от истоков сознания.

В этой рациональной области мысль всегда становится соразмерной с внешней причинно-следственной стрелой времени, и мы уверены, что другого способа бытия просто не существует. В таком материальном царстве и мысль соизмерима с действиями грубой (медленной) материи, в мир соразмерен с логически обусловленной связностью, именованной логосом и маркированной причинно-следственными действиями. Такая причинно-следственная логика мысли, идущая от Аристотеля, честна и

безошибочна, ведь она, по мнению классических европейских мыслителей, сформирована еще у истоков греческой мысли - в поле божественного логоса. Мысль греков божественна (логична и логосна), и все последующие инсинуации о ее разночтениях становятся излишними. Мы ведем свое начало от Бога (или богов), а что же бывает яснее и чище, чем гармония божественной истины (восходящая к математике форм и формальной логике). Натуральная наука во всем видит естественный мир форм, непосредственно привязанных к действительности. Поэтому и реальность такого мира полностью вытекает из гипотезы, согласно которой мы существуем в царстве логических и математических (причинно-обусловленных) закономерностей. Миф об абсолютности и гармонии форм завораживает воображение и мы, вслед за Пифагором, Сократом и Платоном, удобно располагаемся в пифагоровско-платоновской реальности идеальных абсолютных событий, обусловленных математикой чистых форм, и абсолютизируем число, совершенно пренебрегая тем фактом, что в этом мире на каждом шагу нас ждут противоречия и апории, основанные на абсолютной вере в наличие точек и движений, мгновений и абсолютных событий, хаоса и гармонии. Словом, мы уверены, что все это можно списать на идеальность божественных форм и, тем самым, отвлечься от становления вещей и мира. Греков не покидала уверенность, что мир именно таков, каким раскрыли его Гомер и Гесиод. И эта уверенность, если ее интерпретировать по У. Джеймсу и Ч. Пирсу, сыграла с их последователями (и всей европейской наукой) злую шутку. Эта ложная уверенность привела к кризису современного сознания и культуры, который описывал Гуссерль (это кризис не науки, а нашей веры в науку, кризис нашей интерпретации науки). Там, где раньше были абсолютные божественные формы математики и логики, появились их симуляции. Где раньше была теорема Пифагора, которой так восхищались все мыслители вплоть до Декарта и Спинозы, теперь появились системы множеств. А разум, за которым следовали все классические мыслители, уверенные в абсолютности логосности мысли греков, оказался под напором посткантовской критики подверженным сомнению. По сути, у большинства современных людей нет и тени сомнения, что научный мир, построенный

АНТРОПОЛОГІЧНІ ШУКАННЯ

благодаря великим грекам, не может быть ошибочным. А ведь в этом топосе, как показали прагматики, мы вступаем в область веры.

Будучи уверенными в бессмысленности борьбы с бесконечностями (например, проверки гипотезы о параллельности бесконечных прямых) и не задумываясь о том, что миф о параллельности прямых может восходить к другому мифу - о точечных конструкциях, который, в свою очередь, может опираться на миф об абсолютности движений и т. д.), - мы погружаемся в блаженное чувство гармонии мира и пренебрегаем кажущимися нам второстепенными условностями. В таком мире хорошо работает гипотеза Аристотеля об адекватности сознания действительности.

Итак, первый миф разума, который выстраивает наше сознание, - это миф о божественной гармонии (абсолютной идеальности пространства и времени, эвклидовой геометрии, формальной логики Аристотеля и всех вытекающих из них конструкций), который совершенно закономерно воплотился в мире Ньютона и чуть позже, с определенными коррекциями, Эйнштейна. Мечту всех неклассических математиков - от Пуанкаре до Григория Перельмана - построение мира гармонии - можно описать посредством натурального ряда чисел (или попросту математики и логики), а еще точнее, вместе с этим мифом о гармонии мы оказываемся в натурально-математическом мире пифагорейцев, даосов и конфуцианцев, в котором все сводится к абсолютной самоданности числовых (и в целом математических) преобразований (на что, собственно, подводя итог классической культуре, указывал И. Кант).

Гипотеза о таком (по сути, идеальном) научном мире вплоть до настоящего времени является первой самоочевидностью европейского мышления. А когда возникали сомнения в его самоочевидности, ученые, ссылаясь на Аристотеля или (в XX в.) Эйнштейна, заключили: полное соответствие или Бог не играет в орлянку. Гармония мира чисел завораживает своей чистотой настолько, что мы готовы верить грекам, которых, правда, еще удивляла и зачаровывала мысль о возможности логического (логосного) описания мира добра и красоты или вечернего заката Солнца в точном соответствии с тем, как можно описать гармоническое единство прямоугольного треугольника.

Пожалуй, лучше других иллюзорность аб-

солютной веры в такой научный мир понял М. Хайдеггер, который предложил деструктировать все это наносное великолепие научного разума и вернуться к подлинной мысли греков. Но вправе ли мы осуждать столь благополучный мир науки и строить какой-то иллюзорный мир за сценой разумной действительности? Европейская неклассическая мысль, обращенная, с одной стороны, к истокам (то есть к грекам), с другой - к современным антропологическим теориям (то есть современным конструкциям понимания человека), попыталась найти выход из возникшего противоречия.

Теперь наше сознание погружено в историю становления европейской мысли настолько, чтобы попытаться осмыслить путь греков. Но является ли достаточным погружение в греческую мысль, чтобы задействовать все ресурсы сознания?

Может быть, мы можем воспользоваться и другой гипотезой, согласно которой вслед за Гегелем, Шпенглером и Лао Цзы мы можем предположить, что сознание в своей эволюции проходит тот же самый путь, который проходит общество (по Шпенглеру), дух (по Гегелю) и природный мир (по Лао Цзы) в своем развитии? Иными словами, можем ли мы, чтобы вернуться к истокам формирования сознания (того сознания, которое не умирает в каждом из нас, а продолжает свое удивительное существование вместе со всем человечеством), совершить, вслед за М. Хайдеггером [8, с.23], А. Гхошем [4] и ведическими жрецами [6], чудесное путешествие в глубины сознания, точнее, погрузиться в прошлое и проникнуть в самые древние пласты существования мысли греков, индусов, китайцев, египтян, индейцев майя и т. д., заглянуть в глубины самого древнего сознания? Такое путешествие позволило бы деструктировать мир исторического сознания и вернуться в то далекое прошлое, когда сознание, мир и дух еще, по сути, совпадали или, по крайней мере, двигались по одной орбите (существовали синхронно в одном измерении).

В таком аспекте уместно спросить, должно ли такое путешествие в глубины сознания закончиться (по рецепту Хайдеггера) на границе греческой мысли, или же мы должны соскользнуть с этой греческой поверхности (закрывающей своей самоочевидностью, как говорили древние ведические мудрецы, подлинную реальность) в более древние слои и погрузиться в

АНТРОПОЛОГІЧНІ ШУКАННЯ

иные более архаичные и глубокие слои мысли, которые условно можно названный царством первобытного (а не математического) мифотворчества? Позже Хайдеггер и Ницше назвали греческую (логосную) поверхность мысли «пустыней», очерченной контурами научного разума.

В таком воображаемом движении мысли мы оказались на подступах к царству мифологического сознания и теперь можем спросить себя - наше погружение в древнюю мысль является достаточным и может ли мы в царстве мифа приоткрыть тайны рождения духа, сознания, пространства, времени и т. д.? На некоторые из указанных выше вопросов (например, по антропологии времени) нам довелось давать ответы в более ранних статьях. Теперь же, выбрав проводником К. Леви-Строса (по рецепту Данте и Шекспира), попробуем углубиться в мысль первобытного общества (с его логикой мифа или мифо-логикой).

В качестве одной из методологических основ (формы) такого погружения вполне можно использовать миф Декарта, восходящий к Пифагору и Платону, в соответствии с которым в мире имеются всего две независимые субстанции - сознание (мышление) и природа (пространственность). Такой подход позволяет, отстранившись от материи, подключиться к чистым отвлеченным феноменологическим источникам - феноменологии духа (Гегеля) и феноменологии сознания (Гуссерля) - для того, чтобы, по рецепту жрецов ведической культуры (воплощенном в творчестве А. Гхоша), совершить путешествие во времени к истокам сознания с учетом того, что была такая история сознания и культуры, что была их эволюция и все возникающие в ходе нее изменения заложены в самом сознании. В таком путешествии сразу обнаруживается, что есть сознание настоящего и есть то сознание, которое было раньше (сознание прошлого), есть сознательное (что мы строго разумно осознаем) и есть бессознательное - то сознание, которое по определенным причинам сокрыто от настоящего (например, прошлым).

Мысль, собственно, всегда есть движение или поток сознания, который невозможно остановить. Но если ее остановить нельзя, то является ли она даром или проклятием - тем, что разворачивает наше существование в виде знания (разумности), или тем, что указывает нам

на истоки существования (структурность и функциональность)?

В таком аспекте, возврат к древним культурам позволяет увидеть первые высшие формы-возможности человеческого бытия в мире, связанные с сознанием, - древнейшие искусства именованья и магии. В мире, в котором форма становится признаком существования, окружающая действительность превращается в план существования Богов, произнесенное слово как форма, привнесенная свыше, начинает вершить судьбу мира. Может ли человек быть участником таких «высших игр богов» или он обречен быть «рабом» форм и, в лучшем случае, только их обладателем, причастным к «диалогу» (полилогу) Божеств? - Что это, загадка, порожденная изощренным разумом высших существ (например, Сфинкс), вовлечение человека в «игры Богов» или, наоборот, фантазии, присущие игре нашего сознания-воображения? В первом случае, «мышление», «разумность» и «сказание» - это дар, а может быть и проклятие «высшего мира». Такая логика подсказывает и следующий вопрос: может ли человек проникнуть в вечные тайны своего бытия и рождения, то есть пролить свет на свое происхождение? Так может быть сформирована цепочку логических умозаключений, на которые нет ответа. Чем больше погружаешься в миры высших форм и первоначал, тем больше загадок и парадоксов несет их понимание для современности.

В соответствии с контурами выбранного нами путешествия, в «Ригведе» раскрывается, что первое начало Речи возникло тогда, когда риши или первые жрецы приступили к действию по установлению имен. Здесь же говорится о том, что Всеобщий творец (Всех дел мастер, Господин всех ремесел) является единственным установителем имен [6]. И в «Авесте» имена устанавливали первые люди. В этом же смысле древнегреческий философ Пифагор указывал, что после числа вторым по мудрости является тот, кто установил имена вещей. В диалоге «Кратил» Платон подводит нас к тому, что не каждый человек может знать закон, т. е. быть знатоком того, откуда берутся имена, поэтому не каждому человеку дано устанавливать имена [5, с.620]. Первыми, кто обнаружил множественную природу человеческого существования, были софисты. Недаром А. Бадью назвал современную фрагментированную постмодерную культуру новым софизмом.

АНТРОПОЛОГІЧНІ ШУКАННЯ

Платон был уверен, что уж боги-то называют вещи правильно - теми именами, что определены от природы [5, с.623]. И бог Гермес, развивает далее эту идею Платон, - толкователь воли богов, который все занятия людей привязывал к власти слова, то есть был тем, кто измыслил речь и слово (для людей). Толкователи древнегреческой мифологии утверждали, что главный дар богов - это огонь; фактически же, главным даром богов было слово и имя. Поэтому и Платон, в конечном счете, апеллирует к богам, признавая только за ними право «чистого» именованія вещи. А уж на втором месте, по Платону, находятся те (люди), которые вслед за богами могли именовать вещи, - ономаты (жрецы, риши, провидцы и предсказатели, которые, по сути, говорили от имени богов).

Критики и знатоки художественного слова, видимо, согласятся с тем, что поэты и писатели в своем творчестве как бы постоянно припоминают (некогда забытые) слова. Толкователи схватывают в потоке движения вещи то, что остается неизменным при всех ее преобразованиях (во времени, в этом потоке). Это и есть то, что схватывается множеством людей как ее сущность, или имя, адекватное сущности вещи. Анализируя процесс именованія, Платон также утверждает: «Понимание, судя по всему, означает рассмотрение возникновения... Если же угодно, и самое имя мышление означает улавливание нового, а новое в свою очередь означает вечное возникновение... душа улавливает изменение или возникновение нового. Да и само слово «познание»... говорит о том, что душа... следует за несущимися вещами, не отстаивая от них и их не опережая» [5, с.647]. Если время - это поток, то и мышление - это поток, захваченный временем или производящий движение в соответствии со временем. Тут мы и сталкиваемся с тем свойством мышления, которое в XX в. было проанализировано в феноменологической концепции Э. Гуссерля (в работе «Феноменология внутреннего сознания времени» [3]) и которое по своей природе оказалось адекватным «внутреннему сознанию музыки» и, как мы видим, было известно Платону.

Мышление длит событие (или имя вещи) в сознании, познание отслеживает поток события (и находится с ним в одной временной фазе). «Искать... не что иное, как сокращенное выражение, в которое входит слово «имя», означа-

ющее то сущее, коего достигает наш поиск... сущее - это то, что уже поймано... похоже, что и имя (истина) составлено из других слов. Очевидно, им назван божественный порыв сущего... «Сущее» же и «сущность» согласуются с именем «истина» [5, с.658]. Но Платон также указывает на древнюю этимологию самого дления, точнее, движения. Он считает, что «движение»... это тоже самое, что и «хождение»... в древности... то же самое, что и слово «идти»... Так что правильнее бы (назвать) «идение» [5, с.664]. Платон умышленно в поисках смысла языка и речи сталкивает самые граничные понятия, чтобы за их «именами» раскрыть древний, то есть священный, смысл. Мыслить - значит, находиться в потоке времени, а двигаться - значить, осуществлять «хождение» в этом потоке. Поэтому и мышление - это многоступенчатое «хождение» во времени (по времени), или перенесение по времени (столкновение) «имен» (как знаков вещей и событий). На причастность мышления к потоку времени указывает и то, как Платон именуется науку: «Устойчивость есть скорее подражание каким-то устоям и стоянию, а не порыву. Так же как и наука обозначает некоторым образом то, что останавливает течение реки... «память» скорее всего указывает на то, что в душе унялись какие-то порывы» [5, с.677]. Тут уже просматривается прямое указание на синхроничность науки, которая только тогда и становится наукой, когда фиксирует «имена» вещей (или событий), движущихся в потоке времени. - То, что в последующей культуре принято было называть «законом».

Природа процесса мышления связана с тем же истоком, в котором осуществлялось первичное именованіе. Мышление, ум, душа, познание, согласно Платону, - однопорядковые явления, восходящие к процессам божественного именованія. В человеке есть нечто, по Платону душа, что умеет схватить несущиеся во времени (или со временем) вещи, события и дает им имена, или, во всяком случае, знает (припоминает), - какое событие и как именуется.

К. Леви-Строс, выстраивая новый способ формирования мысли - структурную антропологию, вплотную подводит нас к тому моменту культуры, за которым открывается невидимая сторона сущности мира, древо жизни (как сказал бы Г. Скворода). Французский ученый (в том же смысле, что и М. Хайдеггер), попытался

АНТРОПОЛОГІЧНІ ШУКАННЯ

приоткрыть древнюю завесу культуры, мифа и языка. Исходя из тех же посылок, древние индусы утверждали, что реальная сущность мира скрывается от нас майей (завесой знания), и прежде, чем приоткрыть эту завесу, необходимо выйти за пределы разумного истолкования мира (но в таких изменениях начинаются трудности, схожие с безумием, или утратой опоры на разум, что и означает, на языке современного психоанализа, соскальзывание в те бездны психики, где человек находится в состоянии неопределенности, беспочвенности). Этому же учат нас представители восточной культуры, которые уверены, что знают сущность запредельных антропологических состояний. Восточная культура, по сути, описывает тот же «топос», в котором раскрываются Эдипов комплекс и архетипы и где, с точки зрения упрощенного взгляда западной культуры, властвуют мифы. В таком контексте мифология Европы мало чем отличаются от мифологии Востока (восточной философии и религии).

В таком подходе становится очевидным и миф о разуме. Обобщенный принцип расширения сознания на всю предшествующую историю как раз и был назван в философии разумом, в античности его называли логосом. Поэтому логос - это то псевдорасширение сознания (и всяких разумных построений в мире), которое распространяет на прошлое и будущее все принципы бытия сознания в настоящем (на этой границе сознание превращается в разум, тут формируется сфера существования метафизики и логики). В таком смысле метафизика и логика - явления однопорядковые. Они были введены в научной форме Аристотелем практически одновременно. Те механизмы, которые переносили логос на будущее - предопределение, свобода, фатум и т. п., греки додумывали сами и приписали их также сфере существования метафизики (или сфере перенесения логических принципов на понимание будущего). В этом случае сфера бытия «логоса» сводится к следующему: логика в этой сфере - царица настоящего, а метафизика формирует принципы и границы ее расширения на прошлое и будущее. В таких границах пребывает разум, и поэтому все науки, буквально по Аристотелю, имеют те же истоки, что и метафизика. Здесь же работает наука о считывании идеальных форм - математика.

Парадокс такой ситуации состоит в том, что

настоящее так же недостижимо для мысли, как прошлое и будущее. Ибо тому месту («топосу»), где оно (настоящее) может быть распознано (считано), принадлежит (в терминологии Ф. де Соссюра) ось пересечения диахронного и синхронического измерений (ведь мы помним, что удел всех наук - это бытие в сознании), а такая ось постоянно ускользает от сознания, так как мы не можем одновременно зафиксировать и синхронический, и диахронический срезы сознания. Таким образом, все науки, как и логика и метафизика, являются лишь условиями бытия такой формы нашего сознания, когда желаемое выдается за действительное.

В принципе, по сути, по тому же самому сценарию выстраивает М. Бахтин свою теорию хронотопа. Тонкий психолог, психоаналитик и лингвист, М. Бахтин пытается ухватить границы сращения мыслей и смыслов (в романе) и обнаруживает закономерности формирования смысловых «топосов», которые он объединяет одним словом «хронотоп». Хронотоп в его творчестве раскрывается как втягивание пространства в сюжетное развитие движения (по Аристотелю, «времени»), пространство как бы обволакивает время, а само время сгущается и уплотняется [1].

Сложность проблемы объемного видения мира (и языка) начинает пониматься, когда мы попытаемся посмотреть на закономерности, присущие многообразию взглядов на мир (и язык, а точнее языки). Дж. Мердок, исходя из принципа выделения закономерностей в мифе, создал «этнографический атлас»; Леви-Строс решил по аналогии выделить такие типы событий, о которых рассказывается в мифах (мифемы), закодировать их и ввести в компьютер с тем, чтобы компьютер читал миф не только по горизонтали (т. е. как его рассказывают), но и по вертикали, опознавая по разным событиям одну и ту же общую мифему [2, с.437]. Фактически, Леви-Строс действовал по тому же принципу, что и современные физики, фиксируя «топос» стекания мифов в одну точку (настоящего) и пытаюсь взглянуть на него (и его историческое развитие), исходя из различных событийных сфер, то есть из различных временных областей.

Человек устроен так, что строго зафиксировать переход между прошлым и настоящим, или настоящим и будущим он может только путем преодоления разрыва между синхрони-

АНТРОПОЛОГІЧНІ ШУКАННЯ

ческим и диахроническим состоянием своего бытия. Однако такой переход запрещен, так как действительность и история - это разные сферы бытия человека. Для сокращения (или преодоления) этого разрыва требуются значительные энергии.

Научная новизна

Итак, в философии XX века раскрылось достаточно большое количество методологических рецептов, которые, по сути, повторяя древнейшие практики работы с сознанием, позволяют подвести мысль современного исследователя к тем предельным рубежам бытия человека, где, по сути, стираются разумность и вера, сознание и бессознательное, где смыкаются бытие и ничто человека, фактически, смыкаются божественное и земное бытие человека (как знать, может быть, рай и ад). Обобщая такие современные практики и обращаясь к современным представлениям об измененных состояниях сознания, мы попытались увидеть, как выглядят исторически сформировавшиеся дискурсивные практики понимания сознанием действительности (в том числе исторической). Ведь только на пути продвижения к нашим истокам мы получаем возможность реального проявления в нас бытия мира (и возможно, бытия Бога). В нас это заложено по нашему происхождению, по родовой линии (возможно, и в виде архетипов); ведь жизнь общества и культуры - это, в то же время, и наша история (на что обращал внимание еще Гегель). Таким образом, на пути последовательно проведенной деструкции мы можем попытаться добраться до первоистоков сознания, до того момента человеческой истории, где случились первые именованья, и выявить глубинные исторические механизмы формирования темпорального сознания (насколько это возможно в современных условиях).

Отстраненность сознания в историческое прошлое вообще требует больших усилий. Хайдеггер утверждал, что хотя мы и хорошо знакомы с мыслью греков (по многочисленным сохранившимся источниками), но вследствие исторической отсрочки нашего сознания мы утратили подлинное звучание этой мысли. Вхождение в подлинную мысль греков требует усилий, и немецкий философ попытался преодолеть время, отделяющее нас от греков, что-

бы раскрыть аутентичный смысл их онтологических формул. Однако лишь в анализе более древних мифологических текстов начинает проясняться, что и греческая мысль не является истоком современной научной мысли, ее истоки в более древнем архаичном мышлении. Использование основных идей древнегреческой мысли ведет научное сознание к тупикам противоречий, выявленных Аристотелем, стоиками, неоплатониками, мыслителями Нового времени и в современности.

Выводы

Собственно, в предложенном ракурсе видения бытия европейской культуры отчетливо раскрывается, что путь европейской культуры - это путь поиска и устранения противоречий разума. Последовательное использование основных идей древнегреческой мысли ведет научное сознание к тупикам противоречий, которые и сформировали такие явления европейской культуры, как история философии и науки. Становление наук - это не путь прогресса европейской культуры, а, наоборот, выявление мест сосредоточения противоречивого разума (на что и указывал со свойственной ему прозорливостью и чутьем к философии жизни Фр. Ницше). Путь разума - это путь по лестнице вниз, путь не созидания, а преодоления тупиков (или прохождения по тупикам) сознания, путь преодоления противоречий, как раз тот путь, который первыми указали нам Платон и Аристотель. Они их выявили и указали способ разрешения проблемы, а вместе с тем, указали путь пребывания в бесконечной череде противоречий. И преодоление этих противоречий необходимым образом ведет к более древнему (мифологическому в человеческом измерении) сознанию. Анализ древних мифологических текстов позволяет заключить, что греческая мысль не является истоком современной научной мысли. Таким образом, для преодоления противоречий современной научной и философской мысли необходимо искать новые (более древние) альтернативные источники понимания исторической действительности, прежде всего, связанные с углублением в древнюю (мифологическую) мысль. Как знать, может быть, именно там откроются и пути спасения человека, и смысл его пребывания в этом лучшем из миров.

АНТРОПОЛОГІЧНІ ШУКАННЯ

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ
ИСТОЧНИКОВ

1. Бахтин, М. Формы времени и хронотопа в романе / М. Бахтин // Собрание сочинений : в 6 т. – Москва : Языки славянских культур, 2012. – Т. 3. – с.340–511.
2. Бутилов, Н. А. Леви-Строс – этнограф и философ / Н. А. Бутилов // Леви-Строс К. Структурная антропология. – Москва : Главная редакция восточной литературы, 1985. – С. 422–466.
3. Гуссерль, Э. Феноменология внутреннего сознания времени / Э. Гуссерль // Собр. сочинений. Т. 1. – Москва : Гнозис, 1994. – 192 с.
4. Гхош, А. Синтез йоги / А. Гхош. – Санкт-Петербург : Изд-во «Алетейя», АО «Комплект», 1992. – 670 с.
5. Платон. Собр. сочинений : в 4 т. – Москва : Мысль, 1996. – Т. 1 : Кратил – С. 613–682.
6. Ригведа. Мандалы : в 12 кн.– Москва : Наука, 1995. – Кн. V–VIII.
7. Сатпрем. Шри Ауробиндо, или Путешествие сознания / Сатпрем. – Санкт-Петербург : Изд-во «Алетейя», АО «Комплект», 1992. – 328 с.
8. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – Санкт-Петербург : Наука, 2006. – 452 с.
9. Ciancio, C. Self consciousness and absolute / C. Ciancio // Teoria: Rivista di Filosofia. – 2015. – Vol. 35. – Iss. 1. – P. 39–50.
10. Delafield-Butt, J. T. The ontogenesis of narrative: from moving to meaning / J. T. Delafield-Butt, C. Trevarthen // Frontiers in Psychology. – 2015. – Vol. 6, № 1157. doi: 10.3389/fpsyg.2015.01157.
11. Guerrero, L. P. Buddhist Naturalism Conventionalized A Critical Review of Coseru's Perceiving Reality: Consciousness, Intentionality, and Cognition in Buddhist Philosophy / L. P. Guerrero // Journal of Consciousness Studies. – 2015. – Vol. 22. – Iss. 9-10. – P. 25–38.
12. Ouma, C. E. W. Countries of the Mind Space-Time Chronotopes in Adichie's Purple Hibiscus / C. E. W. Ouma // Tradition and Change in Contemporary West and East African Fiction. – Leiden : BRILL, 2014. – Vol. 45. – P. 167–185. doi: 10.1163/9789401211093_011.
13. Tallant, J. The New A-theory of Time / J. Tallant // Inquiry: An Interdisciplinary Journal of Philosophy. – 2015. – Vol. 58. – Iss. 6. – P. 537–562.
14. Ziegler, R. H. In the Dimensions of Being. The Transcendental in Husserl and Deleuze / R In den Bogenmaßen des Seins. Zum Transzendentalen bei Husserl und Deleuze obert Hugo Ziegler // Husserl Studies. – 2013. – Vol. 29. – Iss. 2. – P. 89–111. doi: 10.1007/s10743-013-9121-1.

В. Б. ОКороков^{1*}

^{1*}Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара (Дніпропетровськ, Україна), ел. пошта victor7754@i.ua, ORCID: 0000-0001-8606-677X

МІФОЛОГІКА І ДЕСТРУКЦІЯ НАУКОВОЇ ТА АРХАЇЧНОЇ СВІДОМОСТІ (СХОДЖЕННЯ ДО ВИТОКІВ ДОСОКРАТИЧНОЇ СВІДОМОСТІ)

Мета. Мета статті полягає у тому, щоб, поринувши у глибини первісної свідомості (за рецептом багатьох представників неklasичної філософії), виявити протиріччя європейської свідомості (у її джерел) у давньогрецькій думці й спробувати показати ресурси міфологічного мислення щодо подолання цих протиріч. **Методологія.** Методологічні установки, що використовують можливості, прикордонні стани й ефекти неklasичної свідомості, виявилися недостатньо ефективними для адекватного розуміння сутності людини. Використовуваний узагальнений методологічний підхід спирається на глибинні ресурси високоенергетичної свідомості, і на розшифрування можливостей антропологічного часу, що може дозволити розкрити нові горизонти людського існування. **Наукова новизна.** Звертаючись до сучасних вистав про змінені стани свідомості, ми спробували побачити, як виглядають дискурсивні практики розуміння свідомістю дійсності, що історично сформувалися. Таким чином, на шляху послідовно проведеної деструкції ми прагнемо добратися до перших джерел свідомості й виявити глибинні історичні механізми формування темпоральної свідомості (наскільки це можливо в сучасних умовах). **Висновки.** Показане, що використання основних ідей давньогрецької думки веде наукову свідомість до тупиків протиріч, які послідовно розкривалися протягом усієї наступної історії філософії й культури. Аналіз прадавніх міфологічних текстів дозволяє укласти, що грецька думка не є джерелом сучасної наукової думки, тобто для розуміння наукової думки ми повинні звернутися до більш прадавнього архаїчного мислення. Таким чином, для подолання протиріч сучасної наукової й філо-

АНТРОПОЛОГІЧНІ ШУКАННЯ

софської думки необхідно шукати нові альтернативні (більш прадавні) джерела розуміння історичної дійсності, насамперед, пов'язані з поглибленням у прадавню (міфологічну) думку.

Ключові слова: міф; свідомість; думка; знак; час; поверхня; шлях; подорож; прадавній; джерело; міфологіка

V. B. OKOROKOV^{1*}

^{1*}Oles Honchar Dnepropetrovsk National University (Dnipropetrovsk, Ukraine), e-mail victor7754@i.ua, ORCID: 0000-0001-8606-677X

MYTHOLOGIC AND DESTRUCTION OF THE SCIENTIFIC AND ARCHAIC CONSCIOUSNESS (TRAVELING TO SOURCES OF PRESOCRATIC THINKING)

Purpose. The purpose of research consists in that: having plunged into depths of primitive consciousness (using the recipe of many thinkers of non-classical philosophy), to reveal contradiction of the European thought (at its sources) in Ancient Greek thought and show resources of mythological thinking on the way of overcoming of these contradictions. **Methodology.** All methodological installations, using possibilities, borderlines and effects of non-classical consciousness, have appeared insufficiently effective for adequate understanding of essence of the person. The generalised method, which is used by us, leans on deep resources of high-energy consciousness and on decoding of possibilities of anthropological time that it presumes to open new horizons of human existence. **Originality.** Addressing to modern representations about the changed conditions of consciousness, we have tried to see the historically generated discursive practices of understanding reality by the consciousness (including the historical one). Thus, using the consistently conducted destruction we are aimed at reaching the first sources of consciousness and revealing the deep historical mechanisms of temporal consciousnesses formation (as far as it possible in the modern conditions). **Conclusions.** It is shown that the use of the basic ideas of Ancient Greek thought leads scientific consciousness to deadlocks of contradictions, which were consistently revealed during subsequent history of philosophy and culture. The analysis of ancient mythological texts allows concluding, that the Greek thought is not a source of modern scientific thought. That is to understand the scientific thought one should address to the more ancient archaic thinking. Thus, to overcome the contradictions of modern scientific and philosophical thought it is necessary to search new alternative (more ancient) sources of understanding of the historical reality, first of all, connected with deepening into ancient (mythological) thought.

Key words: myth; consciousness; thought; sign; time; surface; way; travel; ancient; source; mythologic

REFERENCES

1. Bakhtin M. *Formy vremeni i khronotopa v romane. Sobraniye sochineniy. Tom 3* [Forms of time and chronotope in the novel. Collected edition. Volume 3]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ., 2012., pp. 340-511.
2. Butilov N.A., *Levi-Stross – etnograf i filosof. Levi-Stross K. Strukturnaya an-tropologiya* [Levi-Strauss - anthropologist and philosopher. Levi-Strauss C. Structural Anthropology]. Moscow, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury Publ., 1985, pp. 422-466.
3. Gusserl E. *Fenomenologiya vnutrennego soznaniya vremeni. T. 1* [The phenomenology of inner consciousness of time. Vol. 1]. Moscow, Gnozis Publ., 1994. 192 p.
4. Gkhosh A. *Sintez yogi* [Synthesis of yoga]. Saint-Petersburg, Izd-vo «Alety-ya», AO «Komplekt» Publ., 1992. 670 p.
5. *Platon. Tom 1: Kratil* [Plato. Vol. 1: Cratylus]. Moscow, Mysl Publ., 1996, pp. 613-682.
6. *Rigveda. Mandaly. Kn. V–VIII* [Rigveda. Mandala]. Moscow, Nauka Publ., 1995.
7. Satprem. *Shri Aurobindo, ili Puteshestviye soznaniya* [Sri Aurobindo, or the adventure of consciousness]. Saint-Petersburg, Aletyeya, Komplekt Publ., 1992. 328 p.
8. Khaydegger M. *Bytiye i vremya* [Being and Time]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2006. 452 p.
9. Ciancio C. Self consciousness and absolute *Teoria: Rivista di Filosofia*, 2015, vol. 35, issue 1, pp. 39-50.
10. Delafield-Butt J.T., Trevarthen C. The ontogenesis of narrative: from moving to meaning. *Frontiers in Psychology*, 2015, vol. 6, no. 1157. doi: 10.3389/fpsyg.2015.01157.
11. Guerrero L.P. Buddhist Naturalism Conventionalized A Critical Review of Coseru's Perceiving Reality: Consciousness, Intentionality, and Cognition in Buddhist Philosophy. *Journal of Consciousness Studies*, 2015, vol. 22, issue 9-10, pp. 25-38.

АНТРОПОЛОГІЧНІ ШУКАННЯ

12. Ouma C.E.W. Countries of the Mind Space-Time Chronotopes in Adichie's Purple Hibiscus. *Tradition and Change in Contemporary West and East African Fiction*, 2014, vol. 45, pp. 167-185. doi: 10.1163/9789401211093_011.
13. Tallant J. The New A-theory of Time. *Inquiry: An Interdisciplinary Journal of Philosophy*, 2015, vol. 58, issue 6, pp. 537-562.
14. Ziegler R.H. In the Dimensions of Being. The Transcendental in Husserl and Deleuze. *Husserl Studies*, 2013, vol. 29, no. 2, pp. 89-111. doi: 10.1007/s10743-013-9121-1.

Статья рекомендована к публикации д. филос. н., проф. В. В. Хмелем (Украина)

Поступила в редколлегию 22.02.2016

Принята к печати 01.06.2016